

Задание 1. Аналитическое (Максимальное количество баллов — 50)

Выберите для аналитической работы прозаический ИЛИ стихотворный текст. Произведите его анализ в соответствии с предложенными направлениями и изложите содержание в связном письменном тексте. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 350–450 слов.

Прозаический текст

Прочитайте рассказ В.Одоевского «Игоша» и выполните его целостный анализ. При анализе учитывайте, что Владимир Одоевский (1804-1869) – один из ярких представителей литературы русского романтизма, философ, просветитель, автор педагогических сочинений, собиратель русского фольклора. *Обратите внимание на следующие художественные особенности рассказа: специфика образа рассказчика, обращение автора к образу ребенка, через сознание и воспоминания которого показаны события; специфика трактовки в рассказе фольклорных образов (см.Примечание после задания); стилистические особенности рассказа; значение последнего абзаца рассказа, который добавлен только к итоговой редакции 1844 года (в раннем варианте текста 1833 года он отсутствовал); отражение в рассказе принадлежности автора к романтическому направлению. Если вы можете провести параллели между рассказом В.Одоевского и современными ему произведениями, близкими по тематике, образной системе и специфике образа рассказчика, обязательно сделайте это.*

Примечание

В итоговой редакции 1844 года сказка включена в раздел «Опыты рассказа о древних и новых преданиях» и посвящена известному славянофилу, поэту и публицисту А. С. Хомякову (1804 – 1860). Сказка опирается на народное предание, варианты которого можно найти в книгах В.Даля, М.Забылина. М. Забылин описывал народное поверье об игошах следующим образом: «Шишиморы, шишиги, это беспокойные духи, которые стараются созорничать над человеком в то время, когда тот торопится и что-либо делает без молитвы. Сюда также относят игош, то есть безрукого, безногого, невидимого духа, который тоже признаётся большим озорником, которому некоторые суеверы клали за столом лишнюю ложку и кусок хлеба».

Владимир Федорович Одоевский

Игоша

(Алек. Степ. Хомякову)

Я сидел с нянюшкой в детской; на полу разостлан был ковер, на ковре игрушки, а между игрушками -- я; вдруг дверь отворилась, а никто не вошел. Я посмотрел, подождал -- все нет никого.

-- Нянюшка! нянюшка! Кто дверь отворил?

-- Безрукий, безногий дверь отворил, дитячко! Вот безрукий, безногий и запал мне на мысль.

-- Что за безрукий, безногий такой, нянюшка?

-- Ну, да так -- известно, что, - отвечала нянюшка, безрукий, безногий.

Мало мне было нянюшкиных слов, и я, бывало, как дверь ли, окисли отворится -- тотчас забегу посмотреть: не тут ли безрукий -- и, как он ни увертлив, верно бы мне попался, если бы в то время батюшка не возвратился из города и не привез с собою новых игрушек, которые заставили меня на время позабыть о безруком.

Радость! веселье! прыгаю! люблюсь игрушками! А нянюшка ставит да ставит рядом их на столе, покрытом салфеткою, приговаривая: "Не ломай, не разбей, помаленьку играй, дитятко". Между тем зазвонили к обеду.

Я прибежал в столовую, когда батюшка рассказывал, отчего он так долго не возвращался. "Все постромки лопались, - говорил он, - а не постромки, так кучер то и дело что кнут свой теряет; а не то пристяжная ногу зашибет, беда, да и только! Хоть стань на дороге; уж в самом деле я подумал: не от Игоши ли?"

-- От какого Игоши? -- спросила его маменька.

-- Да вот послушай, - на завражке я остановился лошадей покормить; прозяб я и вошел в избу погреться; в избе за столом сидят трое извозчиков, а на столе лежат четыре ложки; вот они хлеб ли режут, лишний ломоть к ложке положат; пирога ли попросят, лишний кусок отрушат.

-- Кому это вы, верно, товарищу оставляете, добрые молодцы? -- спросил я.

-- Товарищу не товарищу, - отвечали они, - а такому молодцу, который обид не любит.

-- Да кто же он такой? -- спросил я.

-- Да Игоша, барин. Что за Игоша, вот я их и ну допрашивать.

-- А вот послушайте, барин, - отвечал мне один из них, -- летом у земляка-то родился сынок, такой хворенький, Бог с ним, без ручек, без ножек, - в чем душа; не успели за попом сходить, как он и дух испустил; до обеда не дожил. Вот, делать нечего, поплакали, погоревали, да и предали младенца земле. - Только с той поры все у нас стало не по-прежнему... впрочем, Игоша, барин, малый добрый: наших лошадей бережет, гривы им заплетает, к попу под благословенье подходит; но если же ему лишней ложки за столом не положишь или поп лишнего благословенья при отпуске в церкви не даст, то Игоша и пойдет кутить: то у попадьи квашню опрокинет или из горшка горох выбросает; а у нас или у лошадей подкову сломает, или у колокольчика язык вырвет -- мало ли что бывает.

-- И! да я вижу, Игоша-то проказник у вас, - сказал я, -- отдайте-ка его мне, и если он хорошо мне послужит, то у меня ему славное житье будет; я ему, пожалуй, и харчевые назначу.

Между тем лошади отдохнули, я отогрелся, сел в сани, покатился: не отъехали версты -- шлея соскочила, потом постромки оборвались, а наконец оглобля пополам -- целых два часа понапрасну потеряли. В самом деле подумаешь, что Игоша ко мне привязался.

Так говорил батюшка; я не пропустил ни одного слова. В раздумье пошел я в свою комнату, сел на полу, но игрушки меня не занимали -- у меня в голове все вертелся Игоша да Игоша. Вот я смотрю -- няня на ту минуту вышла -- вдруг дверь отворилась; я по своему обыкновению хотел было вскочить, но невольно присел, когда увидел, что ко мне в комнату вошел, припрыгивая, маленький человечек в крестьянской рубашке, подстриженный в кружок; глаза у него горели, как угольки, и голова на шейке у него беспрестанно вертелась; с самого первого взгляда я заметил в нем что-то странное,

посмотрел на него пристальнее и увидел, что у бедняжки не было ни рук, ни ног, а прыгал он всем туловищем. Как мне его жалко стало! Смотрю, маленький человечек -- прямо к столу, где у меня стояли рядом игрушки, вцепился зубами в салфетку и потянул ее, как собачонка; посыпались мои игрушки: фарфоровая моська вдребезги, барабан у барабанщика выскочил, у колясочки слетели колеса -- я взвыл и закричал благим матом: "Что за негодный мальчишка! зачем ты сронил мои игрушки, эдакой злыден! да что еще мне от нянюшки достанется! Говори, зачем ты сронил игрушки?"

-- А вот зачем,- отвечал он тоненьким голоском, затем, -- прибавил он густым басом,- что твой батюшка всему дому валежки сшил, а мне, маленькому,- заговорил он снова тоненьким голоском,- ни одного не сшил, а теперь мне, маленькому, холодно, на дворе мороз, гололедица, пальцы костенеют.

-- Ах, жалкий, -- сказал я сначала, но потом, одумавшись, - да какие пальцы, негодный, да у тебя и рукто нет, на что тебе валежки?

-- А вот на что,- сказал он басом,- что ты вот видишь, твои игрушки в дребезгах, так ты и скажи батюшке: "Батюшка, батюшка, Игоша игрушки ломает, валежек просит, купи ему валежки",- а ты возьми да и брось их ко мне в окошко.

Игоша не успел окончить, как нянюшка вошла ко мне в комнату, Игоша не прост молодец, разом лыжи наострил, а нянюшка -- на меня: "Ах ты, проказник, сударь! зачем изволил игрушки сронить? Нельзя тебя одного ни на минуту оставить. Вот ужо тебя маменька..."

-- Нянюшка! Не я уронил игрушки, право, не я, это Игоша...

-- Какой Игоша, сударь?.. еще изволишь выдумывать!

-- Безрукий, безногий, нянюшка. На крик прибежал батюшка, я ему рассказал все, как было, он расхохотался.

-- Изволь, дам тебе валежки, отдай их Игоше. Так я и сделал. Едва я остался один, как Игоша явился ко мне, только уже не в рубашке, а в полушубке.

-- Добрый ты мальчик, - сказал он мне тоненьким голоском, - спасибо за валежки; посмотри-ка, я из них себе какой полушубок сшил, вишь, какой славный!

И Игоша стал повертываться со стороны на сторону и опять к столу, на котором нянюшка поставила свой заветный чайник, очки, чашку без ручки и два кусочка сахара -- и опять за салфетку, и опять ну тянуть.

-- Игоша! Игоша! -- закричал я, - погоди, не роняй -- хорошо мне один раз прошло, а в другой не поверят; скажи лучше, что тебе надобно?

-- А вот что,- сказал он густым басом,- я твоему батюшке верой и правдой служу, не хуже других слуг ничего не делаю, а им всем батюшка к празднику сапоги пошил, а мне, маленькому,- прибавил он тоненьким голоском, -- и сапожишков нет, на дворе днем мокро, ночью морозно, ноги ознобишь...- и сими словами Игоша потянул за салфетку, и полетели на пол и заветный нянюшкин чайник, и очки выскочили из очешника, и чашка без ручки расшиблась, и кусочек сахара укатился...

Вошла нянюшка, опять меня журит: я на Игошу, она на меня.

-- Батюшка, безногий сапогов просит, -- закричал я, когда вошел батюшка.

-- Нет, шалун, - сказал батюшка,- раз тебе прошло, в другой раз не пройдет; эдак ты у меня всю посуду перебьешь; полно про Игошу-то толковать, становись-ка в угол.

-- Не бось, не бось, -- шептал мне кто-то на ухо, - я уже тебя не выдам.

В слезах я побрел к углу. Смотрю: там стоит Игоша, только батюшка отвернется, а он меня головой толк да толк в спину, и я очутюсь на ковре с игрушками посредине комнаты; батюшка увидит, я опять в угол; отворотится, а Игоша снова меня толкнет.

Батюшка рассердился. "Так ты еще не слушаться? -- сказал он, -- сей час в угол и ни с места".

-- Батюшка, это не я... это Игоша толкается.

-- Что ты вздор мелешь, негодяй; стой тихо, а не то на целый день привяжу тебя к стул.

Рад бы я был стоять, но Игоша не давал мне покоя: то ущипнет меня, то оттолкнет, то сделает мне смешную рожу -- я захохочу; Игоша для батюшки был невидим -- и батюшка пуще рассердился.

-- Постой, - сказал он, -- увидим, как тебя Игоша будет отталкивать, - и с этими словами привязал мне руки к стулу.

А Игоша не дремлет: он ко мне -- и ну зубами тянуть узлы; только батюшка отворотится, он петлю и вытянет; не прошло двух минут -- и я снова очутился на ковре между игрушек, посредине комнаты.

Плохо бы мне было, если б тогда не наступил уже вечер; за непослушание меня уложили в постель ранее обыкновенного, накрыли одеялом и велели спать, обещая, что завтра, сверх того, меня запрут одного в пустую комнату.

Ночью, едва нянюшка загнула в свинец свои пукли, надела коленкорový чепчик, белую канифасную кофту, пригладила виски свечным огарком, покурила ладаном и захрапела, я прыг с постели, схватил нянюшкины ботинки и махнул их за форточку, приговаривая вполголоса: "Вот тебе, Игоша".

-Спасибо! -- отвечал мне со двора тоненький голосок.

Разумеется, что ботинок назавтра не нашли, и нянюшка не могла надивиться, куда они девались.

Между тем батюшка не забыл обещания и посадил меня в пустую комнату, такую пустую, что в ней не было ни стола, ни стула, ни даже скамейки.

-- Посмотрим, -- сказал батюшка, - что здесь разобьет Игоша! Нет, брат, я вижу, что ты не по летам вырос на шалости... пора за учење. Теперь сиди здесь, а чрез час за азбуку, - и с этими словами батюшка запер двери. Несколько минут я был в совершенной тишине и прислушивался к тому странному звуку, который слышится в ухе, когда совершенно тихо в пустой комнате. Мне приходил на мысль и Игоша. Что-то он делает с нянюшкиными ботинками? Верно, скачет по гладкому снегу и взрывает хлопья.

Как вдруг форточка хлопнула, разбилась, зазвенела, и Игоша, с ботинкой на голове, запрыгал у меня по комнате. "Спасибо! Спасибо! -- закричал он пискляво. - Вот какую я себе славную шапку сшил!"

-- Ах, Игоша! не стыдно тебе? Я тебе и полушубок достал, и ботинки тебе выбросил из окошка, - а ты меня только в беды вводишь!

-- Ах, ты неблагодарный,- закричал Игоша густым басом,- я ли тебе не служу, -- прибавил он тоненьким голоском,я тебе и игрушки ломаю, и нянюшкины чайники бью, и в угол не пускаю, и веревки развязываю; а когда уже ничего не осталось, так рамы бью; да к тому ж служу тебе и батюшке из чести, обещанных харчевых не получаю, а ты еще на меня жалуешься. Правда у нас говорится, что люди -- самое неблагодарное творение! Прощай

же, брат, если так, не поминай меня лихом. К твоему батюшке приехал из города немец, доктор, который надоумил твоего батюшку тебя за азбуку посадить, да все меня к себе напрашивается, попробую ему послужить; я уж и так ему склянки перебил, а вот к вечеру после ужина и парик под бильярд закину -- посмотрим, не будет ли он тебя благодарнее...

С сими словами исчез мой Игоша, и мне жаль его стало.

С тех пор Игоша мне более не являлся. Мало-помалу ученье, служба, житейские происшествия отдалили от меня даже воспоминание о том полусонном состоянии моей младенческой души, где игра воображения так чудно сливалась с действительностью; этот психологический процесс сделался для меня недоступным; те условия, при которых он совершался, уничтожились рассудком; но иногда, в минуту пробуждения, когда душа возвращается из какого-то иного мира, в котором она жила и действовала по законам, нам здесь неизвестным, и еще не успела забыть о них, в эти минуты странное существо, являвшееся мне в младенчестве, возобновляется в моей памяти, и его явление кажется мне понятным и естественным.

1844 год

Поэтический текст

Прочитайте стихотворение Афанасия Фета (1820-1892) «Поэтам» и выполните его целостный анализ. При анализе учитывайте, что это стихотворение относится к позднему этапу творчества поэта и написано в 1890 году. *Обратите внимание на следующие художественные особенности стихотворения: образ лирического героя, его ключевые эмоции и переживания; специфику пространственно-временной модели стихотворения, место лирического героя в этом хронотопе; общность мотивов данного стихотворения и «пейзажной» лирики поэта; специфику реализации темы поэта и поэзии в лирике А.Фета.*

Афанасий Фет

Поэтам

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова невольню,
Как и бывало, пред вами, поэты.

В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.

Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.

С торжищ житейских, бесцветных и душных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки.

1890

Задание 2. Творческое (Максимальное количество баллов — 50)

Вы работаете в редакции журнала, специализирующегося на художественной тематике. Вам дают задание сделать интервью рекламного характера с автором недавно вышедшего текста. Цель интервью – привлечь внимание к личности автора, представить ее в выгодном свете, как интересную для читателя, и сформировать интерес к тексту писателя, показать его актуальность для потенциального читателя. Ваша задача как интервьюера – сформулировать вопросы такого характера, чтобы личность автора показалась достойной внимания; чтобы через возможные ответы стала понятной концепция текста и в нем был выявлен вневременной смысл, актуальный для читателей разных эпох. В интервью должна просматриваться внутренняя логика, нельзя резко переходить от одной темы к другой. Желательно избегать общих вопросов, предполагающих ответы «Да / Нет». Вопросы должны быть емкими и содержательными.

Сформулируйте 10-15 (при желании больше) вопросов для воображаемого интервью с Михаилом Евграфовичем Салтыковым-Щедриным (1826 – 1889), который недавно написал свою сказку «Кисель» (1885 год). При составлении плана интервью учитывайте, что цикл «Сказки» - один из итоговых в творчестве писателя, создается между 1869 и 1889 годами. А сказка «Кисель» - одна из последних в этом цикле. Учитывайте также авторское определение жанра «Сказки для детей изрядного возраста». При желании можете написать предполагаемые ответы на вопросы.

Михаил Салтыков-Щедрин

КИСЕЛЬ

Сварила кухарка кисель и на стол поставила. Скушали кисель господа, сказали спасибо, а детушки пальчики облизали. На славу вышел кисель; всем по нраву пришелся, всем угодил. «Ах, какой сладкой кисель!», «ах какой мягкой кисель!», «вот так кисель!» — только и слов про него. — «Смотри, кухарка, чтобы каждый день на столе кисель был!» И сами наелись, и гостей употчевали, а под конец и проходим на улицу чашку выставили. «Поешьте, честные господа, киселя! вон он у нас какой: сам в рот лезет! Ешьте больше, он это любит!» И всякий подходил, совал в кисель ложкой, ел и утирался.

Кисель был до того разымчив и мягок, что никакого неудобства не чувствовал оттого, что его ели. Напротив того, слыша общие похвалы, он даже возмечтал. Стоит на столе да знай себе пузырится. «Стало быть, я хорош, коли господа меня любят! Не зевай, кухарка! подливай!»

Долго ли, коротко ли так шло, только стал постепенно кисель господам прискучивать. Господа против прежнего сделались образованнее; даже из подлого звания которые мало-мальски в чины произошли — и те начали желеи да бламанжеи предпочитать.

— Помилуйте! — говорит один, — что хорошего в этом киселе? разве это еда? попробуйте, какой он мягкой, да слизкой, да сладкой!

— Отдадимте, господа, кисель свиньям! — подхватил другой, — а сами уедем на теплые воды гулять! Нагуляемся вдосталь, а там, если уж это непременно нужно, и опять домой воротимся кисель есть.

Что же! свиньи так свиньи — право, киселю все равно, в каком ранге особа его ест. Лишь бы ели. Засунула свинья рыло в кисель по самые уши и на весь скотный двор чавкотню подняла. Чавкает да похрюкивает: «Покатаюся, поваляюся, господского киселя наевшись!» Сытости, подлая не знает; чуть замешкается кухарка, она уж хрюкает: «Подливай!» А ежели скажут: «Был кисель, да весь вышел», — она и по углам, и по закоулкам, и под навозом мордой вышарит и уж где-нибудь да отыщет.

Ела да ела свинья и наконец все до капли съела. А господа между тем гуляли-гуляли, да и догулялись. Догулялись и говорят друг другу: «Теперь нам гулять больше не на что; айда домой кисель есть!»

Приехали домой, взялись за ложки — смотрят, ан от киселя остались только засохшие поскребушки.

И теперь все — и господа, и свиньи — все в один голос вопиют:

— Ели мы кисель, а про запас не оставили! Чем-то на будущее время сыты будем! Где ты, кисель? ау!

1885 год